

САМОСОЗНАНИЕ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Т.М. Камоза

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.10.13021

ДИСКУРС КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ (методологический потенциал нового подхода к исследованию философской мысли эпохи имперской модернизации России)

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublish.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен культурной травмы как содержания того кризиса коллективной идентичности, которое общество претерпевает в условиях модернизационного «транзита» в индустриальную фазу своего развития. Преодоление общественного кризиса, восстановление прежней или обретение новой идентичности представлены как особый – травматический – процесс, обладающий своей собственной логикой развития и затрагивающим, прежде всего, центральную ценностную и институциональную системы общества. Без анализа социокультурной травмы невозможна разработка соответствующих ей «стратегий совладания», тех или иных способов ее преодоления социумом. Говоря о методике данного исследования, отметим, что наряду с концепцией Э. Шилза «центр – периферия» концепт культурной травмы П. Штомпки впервые анализируется в качестве одного из методологических оснований изучения социокультурной динамики модернизации вообще и имперской модернизации России в частности. Исследование отечественного философского и философско-правового наследия второй половины XIX – начала XX вв. (отчасти и последующих «эмигрантских» десятилетий), даст возможность, по нашему мнению, обнаружить в эволюции российской философской мысли этого времени усилия русских мыслителей «увидеть, осознать и представить» обществу переживаемые им культурные травмы, предложить «стратегии совладания» с ним как активного («культурно-творческого»), так и пассивного («ритуалистского») характера; усилия, хотя и не сыгравшие тогда должной роли в осознании обществом смысла происходящих социальных изменений, но позволяющие с современных позиций лучше понять «подводные течения» социокультурной динамики имперской модернизации России.

Ключевые слова: культурная травма, кризис коллективной идентичности, теория модернизации, ценностные трансформации, ценностная структура общества, институциональная система общества, стратегии совладания, эпоха перемен, общественный кризис, переходная эпоха.

Любая эпоха перемен, особенно имеющих не локальный, а глобальный характер, неизбежно актуализирует интерес социальной науки к поиску закономерностей, способных не только объяснить происходящее, но и позволить, хотя бы до известных пределов, предвидеть будущее. Недавняя пессимистичная сентенция И. Валлерстайна о том, что «мы плывём в морях, ещё не нанесённых на карту»¹, лиш-

ний раз напомнила научному сообществу о важности попыток начертить возможные маршруты мореплавания.

Неотъемлемым элементом подобных попыток становится обращение к «знанию о прошлом» в надежде, поверив непрерывно изменяющуюся «текущую современность» (термин З. Баумана)² концепциями, доказательно объясняющими «уже случившееся», тем самым восстановить внутреннюю «связь времён» и обнаружить в «подводных

¹ Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 232.

² Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.

течениях» прошлого скрытый ключ к пониманию будущего. Поэтому в числе вновь востребованных оказываются концепции, нацеленные на познание и интерпретацию времён «прежней текучести», - переходных эпох и протекающих в них процессов, «динамической целостности последовательной цепи изменений и колебаний», выражающих «суть исторического движения в его онтологическом виде»³.

Среди аналитических инструментов, извлечённых российской социальной наукой из теоретического арсенала второй половины XX в. и подвергшихся разнообразным ре-интерпретациям, заметное место заняла теория модернизации⁴. Модернизационный концепт, переживший за десятилетия своего существования периоды взлётов и падений, ныне превратился в одну из тех парадигм социального мышления, которые, уже не претендуя на универсальность, доказывают свою эффективность при обращении к конкретно-историческому материалу (например, в компаративистских исследованиях перехода разных стран, включая Россию, от традиционного общества к обществу modernity⁵).

Внимание учёных, использующих эту парадигму, с 1990-х гг. начало сосредотачиваться на социокультурной динамике модернизации, в особенности на ценностных трансформациях, происходящих в общественном сознании. Эти трансформации, существенную роль в осознании и адаптации которых к потребностям модернизирующегося общества сыграли интеллектуальные элиты, стали рассматриваться как важнейший фактор, повлиявший на придание своеобразного облика национальным modernities. Концепция «множественности современностей» (multiple modernities), разработанная усилиями Ш. Эйзенштадта и его последователей, в которой обосновывалась ключевая роль социокультурных факторов, коренящихся в историческом культурном наследии конкретного общества⁶, значительно усилила интерес к изучению содержания и структуры ценностных систем обществ, в том числе и применительно к современности⁷. Дополнительную научную актуальность подобным исследованиям придали социокультурные трансформации, переживаемые рядом стран в

³ Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность. М.: Наука, 2003. С. 7.

⁴ См., напр.: Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века. М.: ИФ РАН, 1997; Васильев Л.С. Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции). М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011; Гавров С.Н. Модернизация России: постимперский транзит. М.: МГУДТ, 2010; Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М.: Европа, 2010; Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса. М.: ИФ РАН, 2010; Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. М.: ИФ РАН, 2002; Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: ИФ РАН, 1994; Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М.: Наука, 2004; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006; Российская модернизация: размышляя о самобытности. М.: Три квадрата, 2008; Федотова В. Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008; Этанстатские модели модернизации. М.: ИФ РАН, 2002; и др.

⁵ См., напр.: Atabaki T. The State and the Subaltern. Modernization, Society and the State in Turkey and Iran. L.: I.B. Tauris, 2007; Comparative Modernization: A Reader / Ed. by C.E. Black. N.Y.-L.: The Free Press, 1976; McDaniel T. Autocracy, Modernization, and Revolution in Russia and Iran. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991; Modernization in the Middle East: The Ottoman Empire and Its Afro-Asian Successors / Eds. C. Black, C. Brown. Princeton: Darwin Press, 1992.

⁶ Daedalus. Vol. 129. № 1. Winter, 2000. Multiple Modernities; Eisenstadt S.N. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. In 2 vol. Leiden; Boston: Brill, 2003; Eisenstadt S.N. Social Evolution and Modernity: Some Observations on Parsons's Comparative and Evolutionary Analysis Parsons's Analysis from the Perspective of Multiple Modernities // American Sociologist. 2004. Winter. P. 5-24; Fourie E.A Future for the Theory of Multiple Modernities: Insights from the New Modernization Theory // Social Science Information. 2012. № 51 (1). P. 52-69; Kaya I. Modernity, Openness, Interpretation: A Perspective on Multiple Modernities // Social Science Information. 2004. № 43(1). P. 35-57; Lee R. Modernity, Modernities and Modernization: Tradition Reappraised // Social Science Information. 2013. № 52(3). P. 409-424; Multiple Modernities / Ed. by S.N. Eisenstadt. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2002; Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations / Eds. D. Sachsenmaier, J. Riedel, S.N. Eisenstadt. Leiden: Brill, 2002; Schmidt V.H. Multiple Modernities or Varieties of Modernity? // Current Sociology. January 2006. № 54(1). P. 77-97; Shmuel N. Eisenstadt: Multiple Modernities – A Paradigma of Cultural and Social Evolution // ProtoSociology. 2007. Vol. 24; etc.

⁷ Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997; Inglehart R., Baker W.E. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. № 1. P. 19-51; Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во, 2011; Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2002.

ходе т.н. «посткоммунистического транзита», часто интерпретируемого в качестве своего рода заключительного этапа их длительного перехода к modernity. Многие из этих трансформаций оказались столь противоречивы, что поставили под серьёзное сомнение устоявшиеся теоретические представления о траекториях подобного транзита⁸.

Одной из попыток переосмыслить природу и характер прошлых и современных общественных трансформаций, обнаружить новые факторы, определяющие их ход и результаты, явилось введение в научный оборот концепта «культурной (социальной) травмы» (cultural or social trauma)⁹.

⁸ См., напр.: Gans-Morse J. Searching for Transitologists: Contemporary Theories of Post-Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm // Post-Soviet Affairs. 2004. Vol. 20. № 4. P. 320-349; McFaul M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship. Noncooperative Transitions in the Postcommunist World // World Politics. 2002. Vol. 54. № 2. P. 212-244; Rose R. Understanding Post-Communist Transformation: A Bottom Up Approach. N.Y.: Routledge, 2008; Sztompka P. Civilizational Incompetence: The Trap of Post-Communist Societies // Zeitschrift für Soziologie. 1993. Jg. 22. Heft 2. S. 85-95; Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // Полис. 2001. № 4. С. 6-26; Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность: Хрестоматия. М.: МОНФ, 2000. С. 337-368.

⁹ Aarelaid-Tart A. Cultural trauma and life stories. Helsinki: Kikumora Publications, 2006; Alexander J. Trauma: A Social Theory. Cambridge: Polity Press, 2012; Beyond Trauma: Cultural and Societal Dynamics / Ed. by R.J. Kleber. N.Y.-L.: Plenum Press, 1995; Bracken P. Trauma, Culture, Meaning and Philosophy. L.-Philadelphia: Whun Publisher, 2002; Cultural Trauma and Collective Identity / Eds. by J.C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen, N. Smelser, P. Sztompka. Berkeley: University of California Press, 2004; Edkins J. Trauma and the Memory of Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; Eyerman R. Intellectuals and Cultural Trauma // European Journal of Social Theory. 2011. Vol. 14. № 4. P. 453-467; Giesen B. Triumph and Trauma. Boulder: Paradigm Press, 2004; Individual and Community Responses to Trauma and Disaster: The Structure of Human Chaos / Eds., C.S. Fullerton, B.G. McCaughey. Cambridge: Cambridge University Press, 1995; Narrating Trauma: On the Impact of Collective Suffering / Eds. by R. Eyerman, by R.J. Ursano J. Alexander, E. Butler Breese. Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2011; Roth M. Memory, Trauma and the Construction of History. N.Y.: Columbia University Press, 1995; Sztompka P. Cultural Trauma: The Other Face of Social Change // European Journal of Social Theory. 2000. Vol. 3. № 4. P. 449-466; Trauma and Memory / Eds. by L.M. Williams, V.L. Banyard. L.: Sage, 1999; Аарелайд-Тарт А. Теория культурной травмы (Опыт Эстонии) // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 63-72; Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность //

Сторонники этого теоретического подхода считают, что он представляет новый (после дискурсов прогресса и кризиса) дискурс изучения социальных изменений как таковых¹⁰ или – в более узком понимании – новую социологическую парадигму, позволяющую исследовать кризисы коллективной (национальной) идентичности, возникающие при нарушении исторической преемственности в развитии общества¹¹.

К настоящему времени в практической разработке проблемы культурной травмы в зарубежной социальной науке (главным образом, в социологии) намечились две основные тенденции¹².

В первом случае травма рассматривается, как правило, в контексте негативного опыта, полученного определёнными локальными сообществами, в особенности этнического характера, в результате каких-либо насильственных внешних воздействий на них (войны, терроризм, геноцид, природные катастрофы и т.п.). Часто анализируемыми примерами возникновения подобных травм выступают Холокост, этнические чистки на Балканах, в Африке и т.д. В таких исследованиях решающее место занимает использование аналитического инструментария социологии и психологии.

Вторая тенденция отражает тяготение учёных к пониманию культурных травм как неотъемлемой составной части резких и глубоких социальных изменений, качественно трансформирующих траекторию исторического развития всего общества и вызывающих кризис национальной идентичности. При таком подходе исследования приобретают междисциплинарный характер, возникает потребность в философской концептуализации са-

Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5-40; Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16; Он же. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3-12; Он же. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. С. 472-492.

¹⁰ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. С. 472.

¹¹ Aarelaid-Tart A. Cultural trauma and life stories. Helsinki: Kikumora Publications, 2006. P. 40.

¹² К сожалению, в отечественной социальной науке данный подход до настоящего времени остаётся практически невостребованным. Немногие имеющиеся публикации, использующие данное понятие, рассматривают травму преимущественно в более традиционном психологическом её аспекте (см., напр.: Травма: Пункты: Сб. статей. М.: Новое литер. обозрение, 2009).

мой исходной категории культурной травмы и её различных смысловых производных.

Модернизация, согласно устоявшейся в социальной науке трактовке, понимается как стадийный общественный переход (от традиционного общества к modernity или – применительно к современности – к post-modernity)¹³, невозможный вне осуществления в его процессе радикальных и всесторонних социальных изменений. Поэтому эпоха модернизации – это и эпоха фронтальных социокультурных перемен, неотъемлемым компонентом которых являются глубокие социокультурные сдвиги и ценностные трансформации (достаточно, например, указать на такую «родовую» черту индустриальной модернизации XVIII-XX вв., как рационализация сознания, переход от доминирования религиозного мировоззрения к идеологическому плюрализму и распространению различных светских учений).

Такой характер модернизации даёт основания полагать, что концепт культурной травмы, пока преимущественно применяемый для изучения современности или сравнительно недавнего прошлого, обладает – применительно к социокультурным аспектам модернизации – своего рода «ретроспективным гносеологическим потенциалом». В частности, учитывая ту роль, которую в осмыслении социокультурных трансформаций всегда играет философская рефлексия, можно предположить, что использование данного концепта допустимо для анализа отражения в этой рефлексии представлений о содержании и формах подобных трансформаций.

В настоящей статье предпринимается попытка обосновать возможный вариант применения концепта культурной травмы к исследованию одного из социокультурных аспектов российской имперской модернизации второй половины XIX – начала XX вв. – осмыслению философской мыслью этого времени (в контексте общего развития российской общественной мысли) содержания и характера происшедших в обществе трансформаций ценностных основ национальной идентичности.

Следует отметить, что хотя имперская модернизация по известным причинам не получила сво-

его логического завершения¹⁴, но произошедшие в её ходе глубокие изменения несомненно оказали пролонгированное воздействие на последующую социокультурную динамику российского общества советского и постсоветского времени. Поэтому исследование различных аспектов аналогичной динамики имперского периода способно в известной мере содействовать восстановлению «динамической целостности» всего процесса исторического движения традиционной России к обществу modernity.

Гносеологический потенциал концепта культурной травмы, позволяющей адаптировать его к исследовательским полям, пересекающим, но выходящим за пределы собственно социологии, заключается, на наш взгляд, в предложенном в его рамках новом подходе к пониманию проблемы идентичности (кризиса идентичности). Последняя, как известно, может быть отнесена к одной из «вечных проблем» социальных наук (особенно философии), актуализация которых происходит именно в эпохи социальных изменений¹⁵.

В самом общем плане создатели данного концепта (прежде всего Дж. Александер, известный разработкой новой научной дисциплины, т.н. «культуросоциологии»¹⁶) трактуют культурную травму как глубинное содержание кризиса коллективной идентичности. Преодоление этого

¹⁴ См., напр.: Гавров С.Н. Модернизация во имя империи: социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2004; Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х тт. 3-е изд. СПб.: Дм. Буланин, 2003; Опыт российских модернизаций. XVIII-XX вв. М.: Наука, 2000.

¹⁵ См., напр.: Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010; Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2011. Том V. Человек в изменяющемся мире: проблемы идентичности. М.: Изд-во Независимого ин-та гражданского общества, 2011; Рубцов А.В. Российская идентичность и вызов модернизации. М.: Экон-Информ, 2009.

¹⁶ Alexander J. The Meaning of Social Life: A Cultural Sociology. N.Y.: Oxford University Press, 2003 (рус. пер.: Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. М.: Праксис, 2013). В дискурсе культуросоциологии культура понимается как независимая переменная, обладающая значительной автономией в формировании институтов и человеческой деятельности.

¹³ См.: Новая философская энциклопедия: В 4-х тт. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 597-599; Новейший философский словарь. 3-е изд., исправл. Мн.: Книжный Дом, 2003. С. 639; Социологический словарь. 2-е изд. М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2000. С. 161; Социологический энциклопедический словарь. М.: НОРМА, 2000. С. 187.

кризиса, восстановление прежней или обретение новой идентичности предстают в таком случае как особый – травматический – процесс, обладающий своей собственной логикой развития и подчиняющийся определённым закономерностям.

«Травма, - указывал Дж. Александер, - результат такого острого дискомфорта, который поражает в самую сердцевину (core) коллективное осознание собственной идентичности ... фундаментальная угроза пониманию того, кто мы есть, откуда пришли и куда хотим идти»¹⁷.

Травма вызывается определёнными событиями, происходящими в обществе, но травматичны по существу не сами события, а их «социально опосредованная атрибуция» (socially mediated attribution)¹⁸, то есть приписывание этим событиям неких разрушающих существующую коллективную идентичность свойств, главным из которых становится формирование представления о том, что случившееся подвергло «ужасающему осквернению» (terrifying profanation) священные ценности (sacred value) данной социальной общности¹⁹. Осознание произошедшего требует своего рода «пере-воспоминания» (re-remembering) коллективного прошлого и выявления соотношения его с настоящим и будущим²⁰. В результате формируется представление об «эмоциональном, институциональном и символическом возмещении и восстановлении» утраченного²¹.

Ключевую роль в развитии «травматического процесса», то есть в осмыслении случившихся событий как угрозы коллективной идентичности, формировании представлений о содержании этой угрозы, о тех изменениях, которые претерпевает под её воздействием коллективная идентичность, и о путях преодоления возникшего идентификационного кризиса, играют т.н. «агенты» (agents), то есть «личности, которые формируют коллектив-

ные символические представления о социальных событиях в прошлом, настоящем и будущем», и «группы носителей» (carrier groups), обладающие способностью ретранслировать эти представления, убедить в их истинности членов данной социальной общности²².

Чтобы последние осознали себя «жертвами» (victims) культурной травмы, агенты должны ясно выразить (articulate) и ретранслировать четыре ключевых представления:

- какова природа травмы, то есть, что на самом деле случилось (what actually happened)?
- кто является жертвой (the nature of the victim)?
- каково отношение между жертвой травмы (данной социальной группой) и обществом в целом?
- чья ответственность, то есть определить, кто или что является источником травмы?²³

Дж. Александер и ряд других исследователей, следующих этому концепту, в основном верифицировали его на примерах культурно-психологических последствий различных потрясений, затронувших отдельные социальные или этнические группы, но косвенно отразившихся на представлениях о национальной идентичности, свойственных обществу в целом²⁴.

Поэтому в контексте нашего подхода к культурной травме как сущностном содержании кризиса идентичности, вызванного процессами модернизации (в данном случае – имперской модернизации России), бóльший методологический интерес представляет интерпретация данного концепта, предложенная П. Штомпкой²⁵.

В феномене культурной травмы П. Штомпка видит проявление негативных последствий «со-

²² Ibid. P. 11-12.

²³ Ibid. P. 13-15.

²⁴ Так, в своей новейшей работе (Trauma: A Social Theory) Дж. Александер проанализировал культурные травмы на примерах общественных реакций на Холокост, Нанкинскую резню и раздел Индии.

²⁵ П. Штомпке принадлежит ряд получивших признание в мировой социологии работ по теории социальных изменений, проблеме доверия как фундаментальному компоненту социальной деятельности и т.д. См.: Sztompka P. Society in Action: The Theory of Social Becoming. Cambridge: Polity Press, 1991; The Sociology of Social Change. Oxford: Basil Blackwell, 1993. (рус. пер.: Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996); Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. (рус. пер.: Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012); и др.

циальных изменений как таковых, независимо от содержания этих изменений»²⁶, что и позволяет ему говорить о дискурсивном значении данного концепта. Иначе говоря, независимо от того, являются ли в конечном итоге для общества или его конкретных групп происходящие социальные изменения прогрессивными или регрессивными, эти изменения сами по себе всегда имеют негативную составляющую. При таком подходе очевидно, что и модернизация как переход общества на индустриальную стадию развития, будучи в целом прогрессивным явлением социальной эволюции, одновременно неизбежно должна была стать источником культурных травм.

Хотя, как указывает П. Штомпка, потенциально все социальные изменения могут стать источником травмы, но для возникновения последней необходим ряд условий, а именно, чтобы это были «резкие, внезапные, быстрые изменения, происходящие в очень короткое время ... в широкой общественной сфере, охватывающей одновременно различные области общественной жизни, ... глубокие, радикальные изменения, затрагивающие главные для данной группы ценности, правила или убеждения ... изменения такого рода должны быть неожиданными, вызывающими изумление, шокирующими»²⁷.

Выявление культурной травмы происходит в процессе осознания социальной группой, обществом в целом своего травматического состояния, так как травма «одновременно объективна и субъективна. Она обычно коренится в реальных феноменах, но не проявляется до тех пор, пока её не увидят и не дадут ей некое определение»²⁸. В этой связи важным содержательным элементом подхода П. Штомпки явилась детализация понятия «групп носителей» («коллективного агентства» в его терминологии²⁹), посредством которых и происходит осознание и распространение в обществе представлений о культурной травме: «...у каждой травмы есть центральные группы, глубоко переживающие и воспринимающие её, и периферийные

группы, для которых она несущественна, маргинальна». Решающими факторами для возникновения и последующего функционирования центральных групп являются особенности их «структурного и культурного положения ... наличие ресурсов, социального и культурного капитала, помогающих осознать, определять травмы и активно противодействовать им», поэтому «неудивительно, что некоторые скрытые травмы сначала были осознаны и описаны интеллектуалами, философами и социологами, давшими готовые определения и символические выражения для других»³⁰.

Не все культурные травмы осознаются и переживаются с равной степенью интенсивности, так как «чем больше травма затрагивает ядро коллективного порядка – сферу базовых ценностей, правил, центральных ожиданий, – тем сильнее она чувствуется»³¹. Именно «культурные травмы в полном смысле слова», то есть затрагивающие одновременно как «нормативные (аксиологические) компоненты: ценности, нормы, правила, роли, стили, вкусы и т.д.», так и «когнитивные компоненты: верования, убеждения, доктрины, теоретические построения, парадигмы», играют особенно важную роль в развитии общества, поскольку они «обладают сильнейшей инерцией, продолжают существовать дольше, чем другие виды травм, иногда поколениями сохраняясь в коллективной памяти или в коллективном подсознании, время от времени, при благоприятных условиях, проявляя себя»³².

Как и у Дж. Александера, особое внимание в подходе П. Штомпки уделяется собственно травматическому процессу, в котором им выделяется ряд взаимосвязанных фаз: «потенциально травматогенное событие; факторы, которые актуализируют ... травму; травматическое состояние, которое выражается в определённых симптомах; предпринимаемые действия для смягчения травмы или использование предохранительных антитравматических средств; наконец, ограничение или полное преодоление травмы»³³.

Отдельное место в трактовке П. Штомпки заняла классификация «стратегий совладания» с культурной травмой, базирующаяся на социо-

²⁶ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. С. 474.

²⁷ Там же. С. 474-475.

²⁸ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 9.

²⁹ «...активная, движущая сила социального изменения, присущая человеческим коллективам» (Там же. С. 7).

³⁰ Там же. С. 13-14.

³¹ Там же. С. 10.

³² Там же. С. 11.

³³ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. С. 478-479.

логических концепциях Р. Мертон (адаптация к аномии)³⁴ и Э. Гидденса (адаптация к нестабильности и риску)³⁵. В контексте проблематики нашей статьи наибольший интерес представляют две из выделенных им стратегий: активная («спонтанное или преднамеренное «культурное производство», стремящееся к частичному изменению данной культуры») и пассивная – «ритуалистская» (культивирование традиций и привычек как укрытий от травм)³⁶. По сути, речь здесь идёт о конфликте между традицией и новизной, поэтому активное «совпадение» с травмой «означает формирование цельной и органичной системы ценностей ... то есть новой культуры, в которой будет закодирована новая традиция, предназначенная для передачи последующим поколениям»³⁷.

Разработанная П. Штомпкой концепция культурной травмы была им эмпирически верифицирована на примере современных посткоммунистических социокультурных (прежде всего – ценностных) трансформаций восточно-европейских стран, прежде всего – Польши³⁸. Однако им же было отмечено, что при всей важности этого конкретно-исторического примера, «чтобы стать общей, не исторически специфичной, теория культурных травм должна иметь дело с различными типами ситуаций»³⁹.

Нам представляется, что ретроспективное применение теории культурной травмы к социальным изменениям, вызванным модернизацией, способно стать одним из средств подобной «типизации». Но, как и всякая теория, претендующая на роль дискурса в изучении определённого класса феноменов социального бытия, она при своём практическом применении предполагает возможность адаптации применительно к данному объекту исследования.

Поскольку в пределах известной нам научной литературы концепт культурной травмы ещё не применялся к изучению социокультурной динамики модернизации вообще и имперской модернизации России в частности, не говоря уже о его адаптации к исследованию отражения ценностных аспектов этих процессов в российской философской мысли, то представляется допустимым дополнить данный концепт некоторыми аналитическими инструментами, канализирующими потенциал его использования.

В выше рассмотренной трактовке культурной травмы значимость для общества последней определяется именно тем, что она затрагивает базовые ценности, что и становится «фундаментальной угрозой» идентичности. В этой связи неизбежно возникает вопрос не только о содержании и структуре этих ценностей, но и о том, как они формируются и функционируют, каким образом трансформируются в условиях социальных изменений.

Феномен ценностей относится к числу проявлений духовной жизни человека и общества, постоянно находившихся в поле зрения философов, психологов, социологов, культурологов, но в трактовке которых понятийная дифференциация превалировала и продолжает превалировать над интеграцией. Нельзя не признать, что замечание М.С. Кагана относительно философской разработки данной категории (которая так и «...не привела к преодолению царящего здесь методологического и теоретического разброда»⁴⁰) не в меньшей мере применимо к ценностным изысканиям в иных отраслях социального знания⁴¹.

Поскольку концепт культурной травмы концентрирует своё внимание не столько на содержа-

³⁴ Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299-113.

³⁵ Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.

³⁶ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 15.

³⁷ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. С. 488-489.

³⁸ Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3-12

³⁹ Там же. С. 12.

⁴⁰ Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. С. 29.

⁴¹ Например, в современной социологии две, пожалуй, наиболее известные классификации ценностей, основанные на обобщении значительного массива эмпирических данных и принадлежащие Р. Инглхарту и Ш. Шварцу, существенно не совпадают даже в своих основаниях. См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во, 2011; Schwartz S.H. Cultural Value Orientations. Nature and Implications of National Differences. Moscow: HSE, 2008; A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications // Comparative Sociology. 2006. Vol. 5. Issue 2. P. 137-182. Показательно, что и в коллективном труде западных авторов «Культура имеет значение» при частом употреблении категории «ценности» отсутствуют попытки дать определение данной категории.

нии конкретных ценностей (это содержание будет неизбежно отличаться своеобразием в каждом конкретном случае возникновения кризиса коллективной идентичности), сколько на факторах, определяющих логику их трансформации, то, как нам представляется, немаловажным методологическим потенциалом, расширяющим и уточняющим применимость данного концепта, обладает один из подходов к трактовке ценностной структуры общества, представленный в концепции «центр-периферия» Э. Шилза⁴².

Эту теоретическую конструкцию американского макросоциолога, известного, в частности, своим сотрудничеством с Т. Парсонсом⁴³, считают концепцией социальной науки, имеющей «отношение к фундаментальным вопросам действительности, на которых фокусируют свое внимание различные дисциплины, и соответственно влияющих на само содержание и развитие этих дисциплин»⁴⁴. А самого Э. Шилза относят к тем творцам социальной теории XX в., чьим «основным интересом была природа общества ... и кто сказал что-то отличное от других в этой области»⁴⁵.

Разработанную Э. Шилзом концепцию «центр-периферия» можно отнести к тем направлениям структурного функционализма, которые тяготели к дальнейшей разработке заложенного в последнем социокультурного потенциала, включая ценностную проблематику⁴⁶. В этом плане можно согласиться с С.И. Каспэ, отметившим, что «именно обращение к проблематике ценностей особенно

выпукло демонстрирует неисчерпанность потенциала структурного функционализма»⁴⁷.

Основные аспекты концепции Э. Шилза, позволяющие её использовать при исследовании культурных травм модернизации, могут быть суммированы следующим образом.

Согласно этой концепции, всякое общество «может быть интерпретировано как центр и периферия. Центр состоит из тех институтов (и ролей), которые осуществляют власть – экономическую, правительственную, политическую, военную, и тех, которые создают и распространяют культурные символы ... Периферия состоит из тех слоев или частей общества, которые являются потребителями указаний или верований, которые не они сами создают и распространяют»⁴⁸. Следовательно, центр и периферия в рамках такого понимания – это не географические категории, которыми оперируют, например, исследователи империй, а категории, наполненные институциональным и социокультурным содержанием.

Отношения между центром и периферией имеют конфликтный характер, поскольку центр стремится подчинить периферию, а последняя оказывает в той или иной пассивное, либо активное сопротивление ему. Логика их взаимоотношений заключается в том, что «центр не способен проникнуть во все части общества. Существуют пределы экспансии центра ... Центр является неизбежностью для общества, но ... ни один центр не способен знать все, что происходит на его периферии. Всегда имеются части периферии, которые относительно автономны по отношению к центру». К тому же центр и периферия не гомогенны, а гетерогенны: «Как почти никогда не бывает полного согласия внутри центра, так невероятно и значительное согласие участников периферийной зоны ... относительно их собственной периферийности и легитимации центров»⁴⁹.

Функционирование общества, разделённого на центр и периферию, как единого целого обеспечивается наличием в нём интегрирующей «ядерной» (core) структуры, определяемой Э. Шилзом как «центральная ценностная система общества»

⁴² Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago: The University of Chicago Press, 1975; Shils E. Center and Periphery: An Idea and Its Career, 1935-1987 // Center: Ideas and Institutions. Chicago-L.: The University of Chicago Press, 1988. P. 250-282.

⁴³ См., напр.: Парсонс Т., Шилз Э. (при участии Олдса Дж.). Ценности, мотивы и системы действия // Парсонс Т. О структуре социального действия. Изд. 2-е. М.: Академ. проект, 2002. С. 458-562.

⁴⁴ Center: Ideas and Institutions. Chicago-L.: The University of Chicago Press, 1988. P. VIII.

⁴⁵ Turner S. Significance of Shils // Sociological Theory. 1999. Vol. 17. № 2. P. 126.

⁴⁶ В известной мере в том же русле, но собственным путём шёл в разработке проблематики социокультурной динамики общества Ш. Эйзенштадт, некоторые дополнения которым концепции Э. Шилза также обладают методологической ценностью. См.: Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.

⁴⁷ Каспэ С.И. Политическая нация и ценностный выбор: общие положения, российский случай (I) // Полития. 2009. № 2(53). С. 12.

⁴⁸ Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago: The University of Chicago Press, 1975. P. 39.

⁴⁹ Ibid. P. 257-258.

(central value system of the society). Существование этой системы он объяснял объективной необходимостью членов общества «быть включенными в нечто, превосходящее и преобразующее их конкретное личное существование»⁵⁰, их потребностью «в объектах, которые воплощают трансцендентные ценности, ценности, которые выходят за пределы того, к чему они стремятся в рутинной жизненной повседневности»⁵¹.

Таким образом, в концепции Э. Шилза центральная ценностная система – это структурированная система основных ценностей (в традиционном обществе – религиозных верований), посредством которых члены общества идентифицируют себя в социуме, иначе говоря, формируют собственную коллективную идентичность: «...центральная ценностная система является центральной зоной общества. Она такова, потому что тесно связана с тем, что общество почитает как сакральное, и потому, что она поддерживается правящими властями. Эти две стороны жизненно связаны ... власть признается обществом, поскольку она пробуждает у него чувство сакральности»⁵².

Особый интерес в контексте разрабатываемого нами подхода представляет положение Э. Шилза о том, что ценности, составляющие центральную ценностную систему, являются продуктом деятельности элит⁵³, но сами элиты не гомогенны и не могут быть отождествлены только с политической властью. Напротив, это гетерогенные образования, в которые могут входить группы, не обладающие доступом к такой власти, но имеющие свои институты и обладающие собственным влиянием (например, интеллектуалы)⁵⁴.

Здесь важно отметить определённую корреляцию этой точки зрения с одним из положений концепта культурной травмы, указывающим на роль, которую деятельность интеллектуалов может играть в формировании представлений о содержании и характере культурной травмы и разработке стратегий совладания с последней.

Центральная ценностная система, будучи скорее духовным феноменом, в некотором роде смысловой метафорой, находит своё отраженное воплощение в институтах, образующих центральную институциональную систему (central institutional system) – «набор учреждений, легитимированный центральной ценностной системой, ... которые посредством распространения своей власти придают определенные формы бытию значительной части общества. Экономические, политические, религиозные, культурные институты во многих отношениях определяют поведение большей части населения в любом обществе посредством непосредственного осуществления своей власти и потенциального принуждения, посредством предоставления убедительных моделей деятельности и частичного контроля распределения вознаграждений»⁵⁵.

Центральная ценностная и центральная институциональная системы в концепции Э. Шилза формируют центр или центральную зону общества, по отношению к которому индивид определяет свою принадлежность к обществу, иначе говоря, идентифицирует себя⁵⁶.

Следовательно, центр имеет двойственную природу. С одной стороны, он «является феноменом из области ценностей и верований ... которые управляют обществом», с другой стороны, «феноменом из области деятельности», то есть одновременно производителем ценностей и верований, выходящих за пределы человеческого земного бытия, и сосредоточением институтов, которые упорядочивают функционирование общества в относительном соответствии с содержанием этих ценностей и верований⁵⁷.

Таким образом, следуя подходу, предложенному Э. Шилзом, можно идентифицировать, во-первых, пространство возникновения культурной травмы (центральная ценностная система); во-вторых, «центральные группы», обладающие необходимыми ресурсами и способные в силу этого «глубоко переживать и воспринимать» культурную травму, а также предлагать те или иные стратегии «совладания» с нею (элита обще-

⁵⁰ Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago: The University of Chicago Press, 1975. P. 7.

⁵¹ Ibid. P. 260.

⁵² Ibid. P. 4-5.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Center: Ideas and Institutions. Chicago-L.: The University of Chicago Press, 1988.

⁵⁵ Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago: The University of Chicago Press, 1975. P. 6.

⁵⁶ Ibid. P. 261.

⁵⁷ Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago: The University of Chicago Press, 1975. P. 3.

ства, прежде всего её интеллектуальная часть); в-третьих, динамику формирования представлений о культурной травме и способах её преодоления (развитие двойного конфликта: внутри самого центра в силу его гетерогенности и между центром и периферией, то есть де-факто между существующими в них соответствующими элитными группировками, обладающими интеллектуальными ресурсами).

Интеграция концепта культурной травмы (в трактовке П. Штомпки) и рассмотренных положений концепции «центр-периферия» Э. Шилза позволяет, на наш взгляд, под несколько иным ракурсом подойти к анализу идейной полемики, развернувшейся в российском обществе в ходе и после проведения модернизационных – по своему объективному содержанию – реформ Александра II, полемики, одну из ключевых ролей в которой играли представители философской, а также правовой мысли.

Сложившаяся в историографии традиция ориентирует на рассмотрение этой полемики в контексте исторического противостояния «западников» и «восточников» (славянофилов), иначе говоря, сторонников европеизации России (либералов) и сохранения её традиционных социокультурных и институциональных оснований (консерваторов). При этом историческим фактом является то обстоятельство, что при всей содержательной насыщенности этой полемики, в которую были вовлечены почти все значимые представители отечественной общественной мысли того времени, практические результаты этой полемики с точки зрения её влияния на траекторию движения общества по модернизационному пути можно признать если не ничтожными, то крайне малозначительными. Во многочисленных исследованиях, посвящённых изучению взглядов российского либерализма и консерватизма, философских оснований этих взглядов (как в целом, так и на примерах конкретных представителей), это обстоятельство объяснялось по большей части состоянием самого общества, социокультурным разрывом или расколом, который образовался между элитой и основными социальными слоями в ходе преобразований второй половины XIX в. (или возник и непрерывно углублялся в России ещё с реформ Петра I).

Нам представляется, что практическая малоэффективность обсуждения в среде отечественной интеллектуальной элиты, включая её

философскую составляющую, проблем развития России (поставленных, в сущности, модернизацией общества) в дискурсе культурной травмы гипотетически может быть объяснена тем, что осознание этой элитой в лице её отдельных фракций («агентов», в данном случае – «философских агентов») содержания постигших общество в целом и его отдельные социальные страты культурных травм (проведение своего рода «диагностики» последних), не привело к формированию, во-первых, представлений об этих травмах, способных быть выраженными в адекватных для восприятия общества формах, во-вторых, «стратегий совладания» (своего рода средств «терапии» культурных травм), способных предложить «эмоциональное, институциональное и символическое возмещение и восстановление» тех ценностных ориентиров, утрату которых общество начинало подспудно ощущать и даже драматически переживать.

Подтверждение/опровержение выдвинутой гипотезы предполагается осуществить посредством комплексного анализа под данным углом зрения источников, позволяющих реконструировать репрезентативные для философской фракции отечественной интеллектуальной элиты того времени представления о содержании и формах проявления духовного кризиса российского общества, интерпретируемого как кризис ценностных оснований национальной идентичности,

Такое исследование отечественного философского и философско-правового наследия второй половины XIX – начала XX вв. (отчасти и последующих «эмигрантских» десятилетий), даст возможность, по нашему мнению, обнаружить в эволюции российской философской мысли этого времени усилия русских мыслителей «увидеть, осознать и представить» обществу переживаемые им культурные травмы, предложить «стратегии совладания» с ним как активного («культурно-творческого»), так и пассивного («ритуалистского») характера; усилия, хотя и не сыгравшие тогда должной роли в осознании обществом смысла происходящих социальных изменений, но позволяющие с современных позиций лучше понять «подводные течения» социокультурной динамики имперской модернизации России.

Возвращаясь в последнее время активность этой полемики как в теоретическом, так, порою, и в практическом поле придает актуальность предложенной проблематике в целом.

Список литературы:

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
2. Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века. М.: ИФ РАН, 1997.
3. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.
4. Васильев Л.С. Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции). М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011.
5. Гавров С.Н. Модернизация России: постимперский транзит. М.: МГУДТ, 2010.
6. Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М.: Европа, 2010.
7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во, 2011.
8. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2002.
9. Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса. М.: ИФ РАН, 2010.
10. Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: ИФ РАН, 1994.
11. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. М.: ИФ РАН, 2002.
12. Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М.: Наука, 2004.
13. Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность. М.: Наука, 2003.
14. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006.
15. Российская модернизация: размышляя о самобытности. М.: Три квадрата, 2008.
16. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008.
17. Этатистские модели модернизации. М.: ИФ РАН, 2002.
18. Atabaki T. The State and the Subaltern. Modernization, Society and the State in Turkey and Iran. L.: I.B. Tauris, 2007.
19. Comparative Modernization: A Reader / Ed. by C.E. Black. N.Y.-L.: The Free Press, 1976.
20. Eisenstadt S.N. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. In 2 vol. Leiden; Boston: Brill, 2003.
21. Eisenstadt S.N. Social Evolution and Modernity: Some Observations on Parsons's Comparative and Evolutionary Analysis Parsons's Analysis from the Perspective of Multiple Modernities // American Sociologist. 2004. Winter. P. 5-24.
22. Fourie E.A. Future for the Theory of Multiple Modernities: Insights from the New Modernization Theory // Social Science Information. 2012. № 51(1). P. 52-69.
23. Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.
24. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. № 1. P. 19-51.
25. Kaya I. Modernity, Openness, Interpretation: A Perspective on Multiple Modernities // Social Science Information. 2004. № 43(1). P. 35-57.
26. Lee R. Modernity, Modernities and Modernization: Tradition Reappraised // Social Science Information. 2013. № 52(3). P. 409-424.
27. McDaniel T. Autocracy, Modernization, and Revolution in Russia and Iran. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991.
28. Modernization in the Middle East: The Ottoman Empire and Its Afro-Asian Successors / Eds. C. Black, C. Brown. Princeton: Darwin Press, 1992.
29. Multiple Modernities / Ed. by S.N. Eisenstadt. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers. 2002.
30. Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations / Eds. D. Sachsenmaier, J. Riedel, S.N. Eisenstadt. Leiden: Brill, 2002.
31. Schmidt V.H. Multiple Modernities or Varieties of Modernity? // Current Sociology. January 2006. № 54(1). P. 77-97.
32. Shmuel N. Eisenstadt: Multiple Modernities-A Paradigma of Cultural and Social Evolution // ProtoSociology. 2007. Vol. 24.

References (transliteration):

1. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. SPb.: Piter, 2008.
2. Belyaeva L.A. Sotsial'naya modernizatsiya v Rossii v kontse XX veka. M.: IF RAN, 1997.
3. Vallerstain I. Posle liberalizma. M.: Editorial URSS, 2003.
4. Vasil'ev L.S. Modernizatsiya kak istoricheskii fenomen (o general'nykh zakonomernostyakh evolyutsii). M.: Fond «Liberal'naya missiya», 2011.
5. Gavrov S.N. Modernizatsiya Rossii: postimperskii tranzit. M.: MGUDT, 2010.
6. Demokratiya i modernizatsiya: k diskussii o vyzovakh XXI veka. M.: Evropa, 2010.
7. Inglehart R., Vel'tsel' K. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. M.: Novoe izd-vo, 2011.
8. Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu / Pod red. L. Kharrisona i S. Khantingtona. M.: Mosk. shk. polit. issled., 2002.
9. Menyayushchayasya sotsial'nost': novye formy modernizatsii i progressa. M.: IF RAN, 2010.
10. Modernizatsiya v Rossii i konflikt tsennostei. M.: IF RAN, 1994.
11. Modernizatsiya i globalizatsiya: obrazy Rossii v XXI veke. M.: IF RAN, 2002.

12. Pantin V.I. Volny i tsikly sotsial'nogo razvitiya: Tsvivilizatsionnaya dinamika i protsessy modernizatsii. M.: Nauka, 2004.
13. Perekhodnye epokhi v sotsial'nom izmerenii: Istoriya i sovremennost'. M.: Nauka, 2003.
14. Poberezhnikov I.V. Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii. M.: ROSSPEN, 2006.
15. Rossiiskaya modernizatsiya: razmyshlyaya o samobytnosti. M.: Tri kvadrata, 2008.
16. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2008.
17. Etatisticheskie modeli modernizatsii. M.: IF RAN, 2002.
18. Atabaki T. The State and the Subaltern. Modernization, Society and the State in Turkey and Iran. L.: I.B. Tauris, 2007.
19. Comparative Modernization: A Reader / Ed. by C.E. Black. N.Y.-L.: The Free Press, 1976.
20. Eisenstadt S.N. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. In 2 vol. Leiden; Boston: Brill, 2003.
21. Eisenstadt S.N. Social Evolution and Modernity: Some Observations on Parsons's Comparative and Evolutionary Analysis Parsons's Analysis from the Perspective of Multiple Modernities // American Sociologist. 2004. Winter. P. 5-24.
22. Fourie E.A. Future for the Theory of Multiple Modernities: Insights from the New Modernization Theory // Social Science Information. 2012. № 51(1). P. 52-69.
23. Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1997.
24. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. № 1. P. 19-51.
25. Kaya I. Modernity, Openness, Interpretation: A Perspective on Multiple Modernities // Social Science Information. 2004. № 43(1). P. 35-57.
26. Lee R. Modernity, Modernities and Modernization: Tradition Reappraised // Social Science Information. 2013. № 52(3). P. 409-424.
27. McDaniel T. Autocracy, Modernization, and Revolution in Russia and Iran. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1991.
28. Modernization in the Middle East: The Ottoman Empire and Its Afro-Asian Successors / Eds. C. Black, C. Brown. Princeton: Darwin Press, 1992.
29. Multiple Modernities / Ed. by S.N. Eisenstadt. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers. 2002.
30. Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations / Eds. D. Sachsenmaier, J. Riedel, S.N. Eisenstadt. Leiden: Brill, 2002.
31. Schmidt V.H. Multiple Modernities or Varieties of Modernity? // Current Sociology. January 2006. № 54(1). P. 77-97.
32. Shmuel N. Eisenstadt: Multiple Modernities-A Paradigma of Cultural and Social Evolution // ProtoSociology. 2007. Vol. 24.